

Я.Ю.Старцев

Приватизация forever

На фоне событий, связанных с фактической национализацией ЮКОСА, бесконечно тянущейся историей с демонополизацией газовой отрасли и электроэнергетики, становится все более интересным посмотреть на украинский опыт реприватизации, начавшейся после прихода к власти победителей в «оранжевой революции». В самом деле: и в России, и в Украине как будто наметилась тенденция к использованию вопроса о законности приватизации для фактического пересмотра ее итогов в зависимости от политических предпочтений. С учетом сходства политической системы обоих государств, параллели могут оказаться неслучайными. Естественно, вопрос этот актуален как для иностранных или отечественных потенциальных инвесторов, так и для нынешних собственников приватизированных в недавнем прошлом предприятий.

Однажды в Украине

Наиболее нашумевшие мероприятия по пересмотру итогов приватизации – события вокруг «Криворожстали» и Никопольского завода ферросплавов; дело, однако, этим не ограничивается. Президент Украины Виктор Ющенко говорит о списке в 30 крупных предприятий, которые являются кандидатами на реприватизацию; украинская пресса, со ссылкой на источники в кабинете министров и на саму Юлию Тимошенко, доводит цифру до 3 000. В любом случае, само наличие списков и высказывания по этому поводу до – и независимо от – судебного решения говорят о безусловно политической подоплеке процесса. Параллельно происходит переоценка приватизационных сделок по купле-продаже земли: в одном только Крыму комиссия украинской прокуратуры направила в суд более 400 исков об аннулировании незаконных сделок предыдущих лет.

Все эти события связаны с несколькими простыми и понятными политическими целями. Во-первых – необходимость передела собственности в пользу группировки элит, пришедшей к власти в начале года. Во-вторых – необходимость легитимировать эту власть, особенно в преддверии парламентских выборов 2006 года, - а именно борьба с коррупцией, требование пересмотреть незаконные сделки были в числе основных лозунгов, способствовавших популярности Ющенко и Тимошенко. Наконец – необходимость убедить инвесторов, преимущественно зарубежных, в том, что «теперь все будет только по закону».

Совместить эти задачи довольно сложно. Передел собственности не всегда связан с законностью и может отпугнуть некоторых инвесторов, так же как и угроза национализации; возможное сокращение доходов реприватизируемых предприятий и сокращение рабочих мест вряд ли прибавят популярности режиму; последовательное следование закону привело бы или к тотальному пересмотру приватизационных сделок, или к всеобщей же амнистии. Именно поэтому вопрос о порядке реприватизации, о возможной компенсации и о судьбе вернувшегося государству имущества так и не решен окончательно, - и, видимо, будет решаться ситуативно, разово, по каждому конкретному случаю.

Российская специфика

Аналогичные процессы в России начались раньше, - поскольку раньше произошла смена власти. Вместе с тем, в России все длится дольше – отчасти потому, что сама передача власти была гораздо более мирной и подразумевала ряд обязательств, от которых сразу не отказаться. Более того, недавнее заявление президента Путина о сокращении срока давности по приватизационным преступлениям ставит, казалось бы,

хронологический предел любым попыткам пересмотреть результаты продажи государственного имущества.

Вместе с тем, необходимость постепенного, медленного решения тех же задач привела к несколько иным методам: в действиях российских властей мотивы налоговых нарушений занимают гораздо более важное место, чем упреки в незаконной приватизации. Собственно обвинения такого рода – лишь частный эпизод в ряду других, как показывают дела ЮКОСА, Медиа-моста и множества других предприятий и холдингов. Главная же российская особенность заключается в том, что бизнес – возможно, ввиду отсутствия реальной политической оппозиции – почти сразу же согласился делиться, что делает такие жесткие меры, как пересмотр приватизации излишними.

Тем не менее, вектор национализации или ее призрак проявляются все четче. Из ключевых отраслей промышленности государство, как основной или один из основных игроков, не закрепилось пока только в металлургии и в строительстве, - которое, в большинстве случаев, монополизировано на местном или региональном уровне.

О вреде и пользе аналогий

Ситуацию в России сравнивают не только с Украиной – сравнивают с процессами против разного рода «олигархов» и в других странах, - от Рокфеллера в США до Харири в Ливане. Однако польза от подобных сравнений разная, поскольку главный вопрос не в том, как преследуют миллионеров, а в том, каковы судьба имущества, этим миллионерам принадлежавшего. Здесь есть несколько вариантов, каждый из которых может оказаться ключевым для всей экономики – и сравнение России с Украиной в этом случае куда более оправдано, чем с Америкой XIX века или с современным Ливаном.

Вариант первый, апробированный в свое время многими африканскими лидерами: перераспределение доходов национализированных предприятий в пользу своего клана. Способов такого перераспределения много, от простой перепродажи с исчезновением полученных средств до повторения несправедливой приватизации, но уже в пользу других, «своих» покупателей. Путь возможный, но рискованный: в современном мире идет активная борьба с отмыванием денег и с международной коррупцией, и бывший министр (президент, премьер-министр, зять того или другого...) может оказаться удобной мишенью после потери власти. Нейтралитет влиятельных стран или отечественных преемников можно купить через услуги, но современная мировая политика конкурентна, и молчание американских судов не гарантирует молчания швейцарских, российских или украинских, как и наоборот.

Вариант второй: сохранение предприятий в государственной собственности и, следовательно, огосударствление ключевых отраслей экономики. Вопреки распространенным лозунгам, такой подход вполне может оказаться и экономически эффективным, - однако, Россия (как и Украина) по всей видимости не готова обеспечить эту эффективность в данный момент. Следовательно, простая национализация приведет к снижению экономической отдачи от этих предприятий – т.е. к возможным проблемам с бюджетом и социальной сферой, на что популистский режим пойти без потерь не может.

Вариант третий: сохранение государственного контроля за предприятиями (с возможностью извлечения и личных доходов) – и одновременное привлечение частного капитала. Это вписывается, помимо прочего, в тенденцию централизации административной ренты, о которой мы уже писали. Способов также множество – от сохранения контрольного или блокирующего пакета акций, до концессий или иных аналогичных процедур. В таком случае механизм государственного влияния оказывается трехуровневым: 1) «мягкое» управление, с влиянием на стратегические решения и рутинным получением своего процента – в виде налогов, отчислений на выборы и иных

возможных платежей; государство здесь может активно использовать опыт самих «олигархов» по созданию подставных фирм и избежать обвинений в монополизме; 2) «жесткое» управление, используемое в случае конфликта и непослушания – налоговые претензии, иные иски, способные нанести серьезный ущерб собственникам; 3) пересмотр приватизации и смена собственника в случае совсем уж непримиримого конфликта.

Немаловажно, что во всех трех случаях (а самым вероятным представляется третий) передел собственности не отпугнет инвесторов – опять же вопреки распространенным лозунгам. Просто структура инвестиций будет определяться логикой процесса: наиболее прибыльные отрасли, на максимально короткий срок.

Приватизация, таким образом, не отменяется. Но может продолжаться практически бесконечно...